
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Научная статья

УДК/UDC 340.143(470.67)"14"(094)

DOI: 10.21779/2224-0241-2021-40-4-17-25

«Решение кадия и улемов Кибуди в сфере мусульманского права» – памятник права Дагестана начала XV в. (по списку Рафи-Хаджи Шангодинского)

М.Н. Абдуллаев¹, Т.М. Айтберов²

^{1,2} Дагестанский государственный университет, Махачкала, Российская Федерация

¹ mnabdullaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3798-3007>

² timirlan222@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1989-1507>

Аннотация: В данной статье впервые исследуется памятник права дагестанского происхождения – «Решение кадия и улемов Кибуди в сфере мусульманского права», составленный в начале XV в. в населенном пункте Кибуди, расположенном на Кумухском плато Дагестана. Устанавливается, что на рубеже XIX–XX вв. документ, написанный на арабском языке, находился на полях рукописного Корана, хранившегося в Соборной мечети Кумуха. Обнаружил и скопировал текст Решения Рафи-Хаджи Шангодинский. Одним из тех, кто переписал у него текст Кибудинского решения, был просвещенный кумухец Али Каяев.

В статье впервые публикуется переведенный на русский язык текст Решения. Отмечается, что в документе выражена воля духовной и светской власти кибудинской общины и, соответственно, он выступил в качестве источника права. Его содержание составили нормативные предписания, для которых характерна грамматическая и логическая завершенность. Решение, как подчеркивают авторы, дает интересные сведения о последовательно осуществляемых рецепциях исламского права наряду с действовавшим традиционным правом, что позволяет визуализировать процесс установления в Дагестане двухуровневой системы права, адаптированной к общественным отношениям рассматриваемого периода.

Особое внимание авторы уделяют анализу конкретных норм, вопросам датировки и локализации места принятия памятника права. Отмечается, что в указанном источнике права преобладают уголовно-правовые нормы, затрагивающие конкретного человека. Предполагается, что это связано с необходимостью укрепления существующих императивных норм шариата, усиливающих санкции за их нарушения. Подчеркивается, что содержание в документе начала XV в. понятий «взятка» и «лжесвидетельство» указывает на уровень развития права в средневековом Дагестане.

Авторы приходят к выводу о том, что «Решение кадия и улемов Кибуди в сфере мусульманского права» является одним из ранних письменных источников права дагестанского происхождения, представляющих большой интерес для исследования правовых реалий, сложившихся в однородных общественно-политических системах средневекового Дагестана. Решение содержит нормы, регулирующие различные аспекты общественных отношений, что позволяет судить об укладе жизни в самоорганизованных общинах, об утвердившихся здесь духовно-нравственных и социокультурных ценностях, а также о развитии политико-правовой мысли в Дагестане 600 лет тому назад. Анализ данного документа показывает значимость и влияние шариатского права, нормы которого в тот период активно утверждались в местных социумах.

Ключевые слова: государственность Дагестана, Кибуди, Кумухское плато, социально-политическая система, община, кадий, улемы, Решение кадия и улемов Кибуди, памятник права, шариат, обычное право, лжесвидетельство («холодное свидетельство»), взятка («рушват», «луртусса»), штраф («ḡlakla»).

Для цитирования: Абдуллаев М. Н., Айтберов Т. М. «Решение кадия и улемов Кибуди в сфере мусульманского права» – памятник права Дагестана начала XV в. (по списку Рафи-Хаджи Шангодинского) // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 40, № 4. С. 17–25. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-40-4-17-25

“The decision of the Qadi and the Kibudi ulama in the field of Muslim law” is a monument to the law of Dagestan of the beginning of the XV century (According to the list of Rafi-Hadji Shang'odinsky)

Magomedzapir N. Abdullaev¹, Timur M. Aitberov²

^{1,2} Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

¹ mnabdullaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3798-3007>

² timirlan222@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1989-1507>

Abstract. This article for the first time examines the monument of law of Dagestan origin - "The decision of the Qadi and the ulama of Kibudi in the field of Muslim law", compiled at the beginning of the XV century by the Qadi and the ulama of the settlement of Kibudi, located on the Kumukh plateau of Dagestan. It is established that at the turn of the XIX-XX centuries. The original of his text, written in Arabic, was in the margins of the handwritten Koran, kept in the Cathedral Mosque of Kumukh. The Arabic text of the Decision I was founded and copied by Rafi-Haji Shang'odinsky. One of those who copied the text of the Kibudinsky Decision from him was the enlightened Kumukhets Ali Kayaev. The article publishes the text of the Decision translated into Russian for the first time. It is noted that the document expressed the will of the spiritual and secular authorities of the Kibudin community and, accordingly, acted as a source of law. Its content consists of normative prescriptions, which are characterized by grammatical and logical completeness. The solution provides interesting information about the consistently implemented receptions of Islamic law along with the existing traditional law, which makes it possible to visualize the process of establishing a two-level system of law in Dagestan adapted to the social relations of the period under consideration.

The authors pay special attention to the analysis of specific norms, issues of dating and localization of the place of adoption of the monument of law. It is noted that criminal law norms affecting a particular person prevail in this source of law. It is assumed that this is due to the need to strengthen the existing mandatory sharia norms that strengthen sanctions for their violations. It is emphasized that the content in the document of the beginning XV century in the concepts of "bribe" and "perjury" indicates the level of development of law in the medieval Dagestan.

The authors come to the conclusion that "The Decision of the Qadi and the Kibudi ulama in the field of Muslim law" is one of the earliest written sources of law, which is of great interest for the study of legal realities that have developed in homogeneous socio-political systems of medieval Dagestan. The decision contains norms regulating various aspects of public relations, which allows us to judge the way of life in self-organized communities, the spiritual, moral and socio-cultural values established here, as well as the development of political and legal thought in Dagestan 600 years ago. The analysis of this document shows the significance and influence of Sharia law, the norms of which were actively established in local societies at that time.

Keywords: statehood of Dagestan, Kibudi, Kumukh plateau, socio-political system, community, kadiy, ulema, Decision of kadiy and ulema Kibudi, monument of law, Sharia, customary law, perjury ("cold testimony"), bribe ("rushvat", "lurtussa"), fine ("g1ak1a")

For citation: Abdullaev M. N., Aitberov T. M. "The decision of the Qadi and the Kibudi ulama in the field of Muslim law" is a monument to the law of Dagestan of the beginning of the XV century (According to the list of Rafi-Hadji Shang'odinsky). *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2021, vol. 40, no. 4, pp. 17–25. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-40-4-19-27 (In Russ.).

Историзм как метод и принцип рассмотрения государства и права предполагает их анализ в закономерном историческом развитии. В этой связи следует отметить, что становление государственности и права Дагестана в XIII–XV вв. проходило в новых исторических условиях, когда ислам утверждался в статусе официальной религии, становясь важным фактором государственно-правовых процессов, происходящих в течение длительного периода жизнедеятельности дагестанского социума.

Письменных источников, содержащих информацию как о правовой системе в целом, так и о конкретных институтах права Дагестана в средневековый период крайне мало. В этой связи представляется важным, что в данной статье впервые вводится в научный оборот памятник права дагестанского происхождения – «Решение кадия и улемов Кибуди в сфере мусульманского права»

(далее – Решение). Он был составлен в начале XV в. кадием и улемами населенного пункта Кибуди, расположенного на Кумухском плато Дагестана, то есть в точке пересечения старинных путей, проходивших по горам Восточного Кавказа [1, с. 76, 77]. Решение написано на арабском языке и содержит нормы, рассчитанные на длительное применение в указанном регионе.

Следует отметить, что на рубеже XIX–XX вв. текст исследуемого документа находился на полях рукописного Корана, «явившегося» тогда «вакфом» мечети кумухского квартала, именуемого Ножмарди [2, с. 354], то есть «Около Соборной мечети». Ножмардинский «дом Бога», будучи возведенным на том месте, где стояла, как утверждает традиция, «мечеть», построенная в 778/779 г., подвергнутая затем некоторому «улучшению» в 1421/1422 г., не имел первоначально особо высо-

кого статуса. В XVIII в., когда ханы, сидевшие на Кумухском плато, получили значимость на Восточном Кавказе, приобрел названный здесь «дом» свой нынешний вид [3, с. 109]. Тогда же, точнее, в 1788/1789 г. перешел к нему, думается, и почетный статус «Соборной мечети» Кумуха/Казикумуха, который раньше был за небольшой (?) мечетью, стоявшей «в верхней» части данного «города» [4, с. 33; 5, с. 32–38; 6, с. 41, 42], возведенного, постепенно на вышеуказанном плато. После этого акта началось формирование, возможно за счет потомства пленных, оставшихся от армии Надиршаха (къажартал), квартала «Ножмарди» [1, с. 93, 94; 7, с. 146]. Соответственно, можно предположить, что Коран, на полях которого написан текст исследуемого Решения, был перенесен в «мечеть» в 1788/1789 г. из древней мечети (XII–XIII вв.), находившейся в «верхней» части населенного пункта.

Первым обнаружил и скопировал арабский текст Решения муллы Рафи-Хаджи из сел. Шангода (Гунибский район РД). Эта территория в XVIII – начале XIX вв., являлась частью Казикумухского ханства, что объясняет интерес Рафи-Хаджи к историческим документам, хранившимся в Соборной мечети одного из древних центров государственности Дагестана – Кумуха.

Одним из тех, кто переписал у Рафи-Хаджи Шангодинского текст Кибудинского решения, и, таким образом, способствовал его сохранению и распространению, был просвещенный кумухец Али Каяев. Следует отметить, что в начале советской эпохи старинный Коран, на полях которого сохранился арабский текст Решения, оказался утерянным. Соответственно, А. Каяеву пришлось пользоваться записями Рафи-Хаджи, которые распространялись по Дагестану.

С учетом того, что «Решение кадия и улемов Кибуди в сфере мусульманского права» как памятник права Дагестана начала XV в. впервые вводится нами в научный оборот, представляется целесообразным вначале дать текст документа в переводе на русский язык, а затем остановиться на анализе конкретных нормативных предписаний, вопросах датировки и локализации Кибуди.

Перевод текста «Решение кадия и улемов Кибуди в сфере мусульманского права» (по списку Рафи-Хаджи Шангодинского)*.

«Имело место – это между кибудинскими (къибуди)** учеными, вместе с которыми был и кадий. Да сохранит их Аллах от бед, вытекающих из условий мирской жизни, а также от мучений, которые можно встретить на том свете!».

Итак, кибудинские ученые, а также кадий, находящийся рядом с ними, дали обет и, как результат, определили условия, позволяющие укреплять истинный шариат.

«1. Если кто-либо из кибудинских ученых примет решение, которое не является шариатским, или же возьмет взятку, то на человека, сделавшего это, будет наложен [в качестве штрафа –?] один бык.

2. Если человеком, взявшим взятку, окажется тут кибудинский кадий, то на него наложен будет [в качестве штрафа] один конь.

3. Если кто-либо из кибудинских ученых, или же кадий, снарядит погребальные носилки тому из кибудинцев, кто не молился по пять раз в день, то на совершившего это, то есть на снарядившего носилки, наложен будет один бык.

4. Если кто-либо из кибудинских ученых не подойдет в пятничный день к местонахождению михраба, то на ученого будет наложена [в виде штрафа] одна овца.

5. Если кто-либо из кибудинских ученых не встанет, чтобы совершить хутбу*, когда настала его очередь делать это, то на такого ученого наложена будет [в виде штрафа] одна овца.

6. Если в пятницу, перед заходом солнца не будет услышан в Кибуди очередной призыв муэдзина, то на такого человека будет наложено, [в виде штрафа] за преступление (джурм) [зерно –?] в размере одного ратля**.

7. Если на ком-либо закрепится преступление, а [штраф, который тут олицетворяет] последнее, он не даст, и, мало того, проявит враждебность перед ними, то есть перед [другими учеными –?] Кибуди, то последние закрепят, причем на веки-веков, сброс такого человека ото всех кибудинских дел***.

8. Если какая-либо кибудинка убежит: либо от отца своего, либо от брата своего, либо от своего дяди по отцовской линии, либо от матери своей, а затем придет эта представительница женского пола к чужому мужчине, то она падает со всего своего наследства, принадлежащего к категории именуемой по закону, то есть (мирас).

9. Если какой-либо кибудинец дает такой беглянке наследство, принадлежащего к категории по закону, будь то брат ее или кто-либо другой, то на такого человека – давшего ей наследство названной категории – наложено будет сто овец****.

10. Если умрет кто-либо из кибудинцев – человек, не принадлежащий, однако, к числу султанов, – и сделано будет, при этом, запретное, представленное в виде приглашения к себе людей [на соболезнование] больше, чем на три дня, то на со-

* Проповедь в мечети, обращение к верующим.

** Мера объема, термин арабского корня.

*** По-видимому, речь идет о лишении человека возможности занимать в будущем те или иные должности в Кибуди и на кибудинской периферии.

**** Он будет оштрафован и, таким образом, примерно на 750 тыс. руб. или на 10–11 тыс. долларов.

* Последовательность изложения правовых норм соответствует оригиналу, нумерация проставлена авторами статьи

** О значении данного топонима, как и его локализации, см. ниже.

вершившего названный акт наложен будет один бык*.

11. Если какая-либо кибудинка выйдет из дома покойника – вслед за похоронными носилками, то на такую представительницу женского пола наложен будет [в качестве штрафа] один бык.

12. Если кто-либо из ученых кибудинцев не будет садиться каждую пятницу, в коридоре соборной мечети населенного пункта Кибуди, причем рядом с кадием, то наложено будет на такого человека – понятно, что кроме как на кадия, – [в качестве штрафа] так называемое преступление, в размере одного ратля [зерна].

13. Что касается самого кадия, который в пятничный день не сядет в коридоре кибудинской соборной мечети, то будет на него наложена [в качестве штрафа] одна овца.

Пять нижеследующих строк текста, зафиксировавших обет кибудинских ученых, он – Рафи Шангодинский (?) – вычеркнул, находясь в состоянии изумления и проистекающего отсюда оцепенения.

14. Если какой-либо ученый съест завещание, – кибудинца – принадлежащее к категории завещания по закону, которое, однако, составлено не по шариатскому ритуалу, то будет на такого человека наложен [в качестве штрафа] один баран.

15. Если какой-либо [ученый?] кибудинец даст холодное** свидетельство, то будет наложен на такого человека [в качестве штрафа] один бык.

Вот это – правильно!

Этот текст, содержащий в себе смысл обета, данного кибудинскими учеными, переписал я, то есть [Рафи Шангодинский] с полей Корана, который является вакфом Ножмарди.

Все это обнаружил я, то есть [Али Каяев], в собственноручной записи Шангодинского. Да помилует его всевышний Аллах***.

Итак, содержание кибудинского Решения как правового акта составляют сами нормативные предписания, для которых характерна грамматическая и логическая завершенность. Его текст казуистичен, что свойственно средневековым памятникам права. В документе выражена воля кадия и улемов, представляющих светскую и духовную власть кибудинской общины и, соответственно, он выступил в качестве источника права. Следует также отметить, что в Решении даются интересные сведения о последовательно осуществляемых рецепциях исламского права наряду с действовавшим традиционным правом.

Следует отметить, что в указанном источнике права преобладают уголовно-правовые нормы, затрагивающие конкретного человека. Предполага-

ем, что это связано с необходимостью укрепления существующих императивных норм шариата, усиливающих санкции за их нарушение. Правопорядок и ситуация на Кумухском плато нуждались во властных предписаниях в силу, опять же, сильного влияния ислама и религиозных норм.

Статья 1 Решения запрещает кибудинским ученым принимать решение, которое не является шариатским. Здесь следует отметить, что даже в 1-й половине XVIII в. дагестанские горцы, когда писали о своем отходе от привычного обычного права и переходе на шариат, оговаривали, что основные вопросы уголовного права – «убийства, кражи и дела», которые касаются местных «женщин», будут регулироваться по-прежнему, то есть по адату. Горцы эти официально, если можно так сказать, брали на себя при этом обязательство «не» придерживаться норм «обычного права», мало того, «отрицать значимость его в священные для мусульман дни, но вместе с этим ограничивали они тогда же сферу применения шариата: наследственным правом и семейным» [8, с. 19]. Допустимо поэтому полагать, что кадий и улемы кибудинской общины Кумухского плато, поднимая вопрос об «укреплении истинного шариата», имели в виду лишь некоторые сферы общественных отношений, не затрагивая вопросы уголовного права. Указанные факты еще раз подтверждают то, что «в процессе обдуманного синтеза норм адатного права и шариата в Дагестане установилась особая целостная двухуровневая система права, максимально адаптированная к общественным отношениям рассматриваемого периода» [9, с. 43].

Как известно, шариат является мусульманским религиозным законом [10, с. 125]. Поэтому принятие мусульманским ученым (алим) того и иного решения, которое не является шариатским, следует считать, как бы нонсенсом. Однако даже в XVIII в., в Дагестане нарушения шариата учеными в том числе «правоведами», имело место быть. Поэтому для борьбы с данным явлением вводились специальные штрафы. В «обществах» Ахты-пара, например, в 1748 г., было решено «брать» с простолудинов «при нарушении ими шариата» по 2 тумена, а с «правоведа (факих)» брать 3 «тумена» [11, с. 45].

Дагестанские арабоязычные документы говорят о взятках, можно сказать, редко. Заслуживает внимания, что статья 1 Решения содержит понятие «взятка». Прежде всего отметим, что для обозначения взятки почти во всех языках Дагестана применяется арабское слово «рушват/ришват». В языке же, на котором говорит население Кумухского плато, где стоял в прошлом населенный пункт «Кибуди», существует свое слово для термина «взятка» – луртгусса (от лак. – «луртту» – «снизу») [2, с. 186].

Кибудинское Решение составлено на основе шариата, что обусловило закрепление принципа юридического равенства, конечно, касательно лю-

* Речь идет о штрафе величиной примерно в 1500–2 тыс. долларов.

** У Каяева сделано пояснение: ложное.

*** Каяев А. Полевой дневник (Амбарная книга).

дей «свободных» по статусу, совершеннолетних и не больных. Однако, нарушение «шариата» не редко происходило от представителей власти* [11, с. 45], допускающих весьма серьезные преступления. Для них дагестанские источники права определяли более тяжелые наказания, нежели чем остальной категории населения. В тексте разбираемого Решения мы имеем самый ранний – для всего Дагестана, а, возможно, и для всего Восточного Кавказа – пример тому, как наказываются за взяточничество представители светской и духовной власти кибудинской общины – «кадий», то есть судья и улемы – местные теоретики в сфере мусульманского права. В соответствии с ст. 1 и ст. 2 Решения за одно и то же преступление, в современном понимании, – уголовного характера, судья наказывался штрафом в 5-6 раз более высоким (конь), чем простой «ученый» (бык).

Интересно отметить, что в русских источниках права термин «взятка» впервые упоминается в Судебнике 1497 г. Если же брать здесь в качестве примера Восточный Кавказ, то нужно обратить внимание на Законоположения закавказских аварцев от 1752 г. В этом документе говорится, что «если постановление», вышедшее из уст «кадия, будет принято» последним «под влиянием полученной им ... взятки», которая считается фактором и запретным для мусульманина», то на такого кадия «наложат три тумена, в качестве штрафа» [11, с. 59].

Следует подчеркнуть, что статья 15 Решения регламентирует преступление, выражающееся в сознательной даче заведомо ложной информации суду или органам власти – лжесвидетельство («холодное свидетельство») и устанавливает за него наказание в виде штрафа в размере одного быка. Для сравнения можно отметить, что в Русской Правде отсутствует понятие лжесвидетельства. Более того, лжесвидетельство не нашло отражения в некоторых широко известных памятниках зарубежного права, например, в Великой хартии вольностей 1215 года. Как представляется, содержание в кибудинском Решении нач. XV в. понятия «взятка» и «лжесвидетельство» указывает на уровень развития права в средневековом Дагестане.

В Решении разработана система наказаний за преступления, основной санкцией которых является штраф. Размер штрафа, как явствует из статей 1, 2, 3, 5, составлял «один бык, один конь, одна овца, сто овец» или штраф в размере одного ратля (предполагаемо зерно). Привлекает внимание, что при определении размера санкций их уровень определяется, не в денежном выражении, а в их товарном эквиваленте. Из этого можно заключить,

что денежная система ещё не получила должного распространения в данном регионе. Здесь надо отметить, что понятие «штрафа», как основной санкции за совершение преступления, известно дагестанцам с самых давних времен, о чем свидетельствует, хотя бы, наличие в их языках оригинального термина для передачи обозначенного понятия. Это будет «ака» (авар. – гIакIа, дарг. – гIякIа, лакс. – аьчIа).

Известно, что в шариате существует юридическое понятие тазир, примерное значение которого «нарушение общественного порядка». На правонарушителя налагается – мусульманским правом, – в данном случае «исправительное наказание», которое может выражаться в виде штрафа [10, с. 173, 176].

В Кибудинском решении (ст. 6, 10, 11, 12, 13) много внимания уделяется ответственности священнослужителей за проведение и соблюдение установленных религиозных обрядов. В частности, Решение предусматривало штрафы за пропуск хутбы, за отсутствие в пятничный день у михраба, за снаряжение погребальных носилок кибудинцу, что не молился по 5 раз в день, за отсутствие в пятницу призыва муэдзина и т.д. Из текста очевидно то, что главным субъектом данных деяний являются кибудинские улемы и кадий, чем подчеркивается их особая ответственность за соблюдение и утверждение исламских норм в обществе. Полагаем, что недобросовестное выполнение своих обязанностей кадием и алимом в Решении квалифицировалось как тазир с наказанием в виде штрафа.

Наследственное право у кибудинцев отличалось преобладанием шариатских норм по отношению к институту наследования по адату. Нормы религиозных предписаний в данном документе достаточно часто переплетаются с нормами наследования и почти всегда содержат санкцию. Нередко в данном своде норм упоминается и отношение к женщине. В частности, речь идет о доле девушки, предусмотренной для нее в тех 2/3 имущества покойного, которые должны быть после выделения того, что допускается назначить для завещания (1/3 имущества), разделены между «наследниками по закону». В число же последних, согласно шариату, входят: дочь, сестра, жена, мать [10, с. 179]. Данное положение отразилось в ст. 8 и 9 Решения, которые содержат форму наказания как для девушки-кибудинки, так и для лица, передавшего ей наследство вопреки установленным правилам. Однако это правило не распространяется на наследование по завещанию: «Ее, то есть не выдержанную в чувствах девушку, лишают наследства, за исключением особо оговоренного и записанного при жизни ее отца, брата и т.д.». Соответственно можно сделать вывод о том, что к поступкам женщины кибудинцы предъявляли достаточно высокие требования.

Отметим здесь, что 1748/1749 г. меры против «женщин» – точнее, девушек, – которые «убегали» к тому или иному представителю мужского пола,

* К 1748 г. считали в Ахтыпаринском «обществе», что к числу тех, кто «нарушает шариат», унаследованный от Пророка, относятся: ахтыпаринские специалисты по мусульманскому праву, «главари» названной политической единицы Присамурья и местные «богачи».

«чтобы он женился на ней», были приняты ив союзе сельских общин Акуша Дарго. Если мужчина принимал такую беглянку, то «люди Акушинской общины» позволяли ему «жениться на ней», но такую беглянку ущемляли. Поступая по отношению к последней более милосердно, чем жители Кумухского плато XV в., акушинцы XVIII в. «согласились», чтобы беглянке дал бы мужчина, который принял ее, брачный дар (сидак), но в виде «одной» из своих «плохих пашен», рубашки из самодельной марли (дарг. – души) или из «мешковины» (дарг. – джулгъа) [11, с. 48].

Теперь обратимся к вопросу локализации «Кибуди», где было составлено и принято Решение. Кавказоведы привыкли к тому, что с самых давних времен в бассейне р. Казикумухское Койсу находится крупный населенный пункт под названием «Кумух» (лак. – Гъумучи, старолакское – Гъумуки), который имам Шамиль назвал (в 1842 г.) «матерью сел и городов Дагестана», чем уподобил, если можно так сказать, Мекке. На кумухских улицах народ говорит на лакском языке.

Во 2-й половине XVII в. среди дербентской интеллигенции было много тех, кто полагал, что известный им «город», стоящий на Кумухском плато, создан в VI в. [4, с. 20] в рамках сасанидской политики по укреплению иранских позиций на Северо-Восточном Кавказе. Предположение это возникло в среде дербентцев под влиянием, видимо, знакомства их с текстом компиляции, написанной на базе текста Ибн Руста (IX–X вв.), в котором говорится, что правители Серир-Авара имеют, кроме своего «города», еще и «замок», а именно «Гумик», который «дан» их предкам в VI в. Ануширваном Сасанидом [12, с. 220].

Обращение к историческим источникам более достоверным, чем названные предания, о далеком прошлом Кумуха, записанные в конце XVII в., показывают нам, что в реальной жизни дела обстояли иначе, чем полагали культурные жители г. Дербента. Еще в XII–XIII вв. «города» на Кумухском плато (≈1500 м.) просто не было, а стояли там – на каменных горках, высотой в несколько десятков метров, входящих в систему отрогов горного хребта, который как бы ограждал названное плато с западной стороны, – три «племенных» населенных пункта. Одним из них был «Кибуди» (Къибуди) [13, с. 71, 75, 76; 14, с. 17, 18], заселенный тогда мусульманами. Правовой по содержанию памятник, созданный по-арабски в послемонгольскую эпоху, причем решением духовно-юридической элиты Кибуди, и является здесь объектом нашего внимания.

Волей исторических судеб получилось так, что к рубежу XIX–XX вв. лакское население Казикумухского округа имело мало сведений о Кибуди. И даже этот уровень знаний имелся лишь благодаря лакской исторической песне «Табахлинский Кайдар» [15, с. 54, 158], которая, кстати, исполнялась

в прошлом и на других дагестанских языках, в том числе на аварском.

Касательно существования топонима «Кибуди» (в современном лак. яз. – «Кивиди»/Къивиди) среди старых кумухцевеще в 1-й половине XX в. Преобладала точка зрения, согласно которой названием «Кибиди» лакцы обозначали «сторожевой пункт» доисламской «Персии», стоявший на территории Кумухского плато. Возведен же был этот пункт «в верхней, скалистой части современного Кумуха», и язык его населения, судя по всему, отличался от языка лакцев. Так полагало большинство кумухцев, в том числе потомство Сурхай-хана, жившее на рубеже XIX–XX вв. и в более позднее время. Эта группа кумухцев считала также, что слово «Кибиди», то есть «Кибуди», с течением времени преобразовалось в «Цувади»/«Цубади» при том, что кумухский квартал с указанным наименованием существует и в наши дни.

Согласиться с мыслью о трансформации слова «Кибуди» в слово «Цубади» весьма трудно, хотя бы потому что имеются бесспорные свидетельства одновременного существования внутри Кумуха в XVIII в. таких кварталов, как «Кибуди» и «Цубади» [16, с. 94].

Теперь еще раз обратимся к вопросу об этнической принадлежности древних кибудинцев. Так, в 60-е годы XX в. было зафиксировано, причем кумухской женщиной из ханского рода, еще одно «предание» о Кибуди и кибудинцах, которое перекликается с первым. Согласно преданию древний Кибуди/Кибиди был населен не лакцами, а «персами». Стоял же он при этом в нескольких сотнях метров от квартала Цубади, то есть к западу от современного Кумуха, имея тогда вид «нескольких небольших поселений». В конце концов, на этих «персов», то есть кибудинцев, напали лакцы, причем «объединенными» силами. «Разгромили» они тогда Кибуди, а «угодья» кибудинцев победители «распределили», якобы, «между» собой [1, с. 23].

Предание о разгроме кибудинцев, принадлежавших, якобы, к числу «персов», жителями девяти «лакских селений», как и присвоение их земель населением последних, причем в доарабскую эпоху, вызывает сомнения. Другое дело – утверждение родовитых кумухцев XIX–XX вв. о том, что население Кибуди состояло, по мнению лакцев, из чужеземцев, имевших свой язык и обычаи. Напомним здесь также то обстоятельство, что согласно принятым в кумухской среде средневековым преданиям, которые были записаны по-арабски в XVIII в., произошло вселение на Кумухское плато (в пределах XII в.) группы иноземцев. Пришли туда эти мусульмане через земли даргинского племени «кайтаг» (хайдак) и составили здесь затем правящий класс, из которого происходили, согласно преданию, записанному на арабском языке в начале XVIII в., ханы Казикумухские [4, с. 148; 17, с. 110; 6, с. 43]. Кроме того, местом проживания потомст-

ва этих пришельцев, появившихся из-за пределов Дагестана, был – если опираться на нарративные источники – именно «Кибуди» [18, с. 8, 10, 25, 40].

На наш взгляд, сказанное находит подтверждение и в работе авторитетного дагестанского исследователя Хасана Алкадарского, изданной в 1903 г. Он отмечает, что в верхней и средней части бассейна Казикумухского Койсу подавляющее «большинство населения» имеет в качестве средства внутрисемейного общения «лакский» язык, который лезгины именуют термином «яхульский». Что же касается жителей «селения Кумух», то среди них, как пишет внук шейха Ярагинского, распространено знание даргинского языка, но в форме «кубачинского» наречия, на котором все «общество селения Кумух говорит», когда общается «с кубачинцами» [4, с. 148; 17, с. 110; 6, с. 43–55].

Здесь ясно одно: в населенном пункте Кибуди, стоявшем на Кумухском плато, проживали не только лакцы, но и переселенцы с Востока, с земель, имевших давнюю традицию письма. Их значимое присутствие там видно из топонимики [2, с. 353], как и из арабографических списков имущества, составленных в XVI–XVII вв. Поэтому письменная фиксация кибудинских правовых норм, проведенная – первый раз – в пределах XII–XIII вв., вызывать отрицания не должна, хотя на Кумухском плато, как и во всем бассейне Казикумухского Койсу, пока не найдены памятники арабской эпиграфики такой древности.

Большой интерес представляет вопрос о датировке исследуемого памятника права. Представляется очевидным, что его текст, написанный по-арабски на основе шариата, не мог быть составлен ранее XII в., ибо именно с этого времени началась фактическая исламизация населения Кумухского плато, которое еще во 2-й половине XI в., по мнению мусульман Дербента, были «кефирами».

Сложнее обстоит дело с определением верхней даты документа. Причина этого состоит в том, что текст Решения, который увидел и скопировал Рафи-Хаджи Шангодинский, будучи, скорее всего, старинной копией, записанной чернилами на полях Корана, не имеет даты составления и списка свидетелей, наличие чего рекомендует мусульманская традиция. Здесь, прежде всего, обратим внимание и на тот факт, что в тексте Решения встречается древний топоним Кибуди и описываются новые для людей того региона правовые нормы. И это при том, что в XIV в. на плато уже начался процесс синикизма («Кибуди» трансформировалось из «племени» в «квартал», то есть в местожительство соседей, но не единоплеменников) [13, с. 75, 76]. Как следствие, уже к 1434 г. «Кумух» выступает не как образование, состоящее из трех или более населенных пунктов, стоящих отдельно друг от друга, а как одно особое «селение». Это была оценка ситуации в средней части бассейна Казикумухского Койсу, исходящая от высококультурного, начитанного пришельца из Средней Азии эпохи Тимуридов; даты употребления им термина «селение»

(«Казикумух» и «Кумух»): 1434 г., 1437 г., 1439 г., 1440 г., 1442 г., 1444 г., 1445 г., 1447 г. [6, с. 204]. Следовательно, можно полагать, что кибудинское Решение было составлено на самых ранних этапах становления «селения» под названием «Кумух» (1434–1437).

Для определения верхней даты составления документа, важным моментом представляется еще и отсутствие в списке «ученых» Ахмада Йамани, составившего его текст, который прибыл в Дербент не позднее 1432 г. В 1434 г. он поселился в «селении Казикумух» и оставался там до самой смерти (1450). Ахмад Йамани являлся фактическим представителем могущественных Тимуридов в горном Дагестане. Его влияние распространялось в 1-й половине XV в. даже на селения Калакорейш и Зерехгеран и соседствующие с ними общины горцев. О статусе Ахмада Йамани в регионе знали во многих землях послемонгольской эпохи. В частности, можно назвать североиранский г. Ардебиль, где правил тогда шейх Ибрахим Сефевии [19; 6, с. 207].

Трудно поверить в то, что такая яркая фигура XV в., как Ахмад Йамани, не был приглашен для участия в составлении на арабском языке Решения, которое вводило ранее малоизвестные правовые нормы в жизнь населения Кумухского плато, хотя бы части его, что сделано было при участии местных «ученых, а также «кадия». Такое решение вопроса могло иметь место, как представляется, только если бы Ахмад Йамани еще не прибыл на Кумухское плато и не поселился бы среди «казикумухцев». Соответственно, можно прийти к выводу о том, что разбираемый здесь памятник права был составлен «кибудинцами» в начале XV в., но ранее 1434 г.

Таким образом, «Решение кадия и улемов Кибуди в сфере мусульманского права» – это один из ранних письменных источников права (нач. XV в.) дагестанского происхождения, представляющий большой научный интерес для верификации правовых реалий как в Кумухе, так и во всех однородных общественно-политических системах Дагестана средневекового периода. Кибудинское Решение содержит нормы, регулирующие разнообразные стороны жизни местной самоорганизованной общины. Оно показывает значение духовных догматов в правовой жизни средневекового общества и их влияние на формирование политико-юридических идей в Нагорном Дагестане 600 лет тому назад. Решение дает интересные сведения о последовательно осуществляемых рецепциях исламского права наряду с действовавшим традиционным правом, что позволяет визуализировать процесс установления в Дагестане двухуровневой системы права, адаптированной к общественным отношениям рассматриваемого периода. В целом можно заключить, что опора на традиционную систему права и использование шариата позволило средневековым социумам Дагестана достичь сравнительно высокого уровня развития права.

Список источников

1. Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX–XX вв.). Махачкала: Изд-во Дагестанского научного центра, 1971.
2. Хайдаков С.М. Лакско-русский словарь / под ред. Л.И. Жиркова: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М., 1962.
3. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа / отв. ред. О.Г. Большаков. М.: Наука, 1968. Ч. 2.
4. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.
5. Каяев И.А., Каяев А.И. Джума-мечеть Гази-Кумуха: вопросы датировки // Медиа Профиль. Махачкала, 2011. № 4. С. 32–38.
6. Айтберов Т.М., Омарова Р.А. Сейиды Горного Дагестана. Махачкала, 2019. Кн. I.
7. Мусаев С.А. Гази-Кумух. Махачкала, 2019.
8. Айтберов Т.М. Соглашения аварских общин XVIII – начала XIX вв. // Письменные памятники Дагестана XVIII–XIX вв. Махачкала, 1989.
9. Абдуллаев М.Н. Традиционная система права и проблемы нормативного регулирования межэтнических отношений в Дагестане // История государства и права. 2011. №21. С. 43–46.
10. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VI–XV вв.: курс лекций / отв. ред. В.И. Беляев. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1966.
11. Айтберов Т.М. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. / отв. ред. Ш.Б. Магомедов. Махачкала, 1999. Ч. I.
12. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента в X–XI вв. М.: Изд-во восточной литературы, 1963.
13. Айтберов Т.М. О древнейших формах обычного права в Дагестане и об актуальных проблемах его изучения. Махачкала, 2004.
14. Айтберов Т.М. Памятники права народов Дагестана. М., 2011. Т. 2.
15. Халилов Х.М. Лакские эпические песни. Сер. Песни народов Дагестана. Махачкала, 1969.
16. Маршаев Р., Бутаев Б. История лакцев / отв. ред. Э. Тыщенко. Махачкала, 1991.
17. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969.
18. Курбанова А.Б. Разгром Надиршаха. Махачкала, 2012 (авар. яз.).
19. Айтберов Т.М. Письмо сайида Мухаммада джамаатам Казикумуха, Калакарейша и Зерехгерана, и «особенно» сайиду Ахмаду ал-Йамани (XV в.) // Письменные памятники Востока. М.: Наука, ГРВЛ, 1987.

References

1. Bulatova A.G. Laktsy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie (XIX–XX vv.) [Laks. Historical and ethnographic research (XIX – XX centuries)]. Makhachkala: Makhachkala: Publishing house of the Dagestan Scientific Center, 1971. (In Russ.).
2. Khaidakov S.M. Laksko-russkii slovar [Lak-Russian dictionary]. ed. L.I. Zhirkova: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei. Moscow, 1962. (In Russ.).
3. Lavrov L.I. Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza [Epigraphic monuments of the North Caucasus], ed. O.G. Bol'shakov. Moscow, Nauka Publ., 1968. vol. 2. (In Russ.).
4. Shikhsaidov A.R., Aitberov T.M., Orazayev G.M.-R. Dagestanskije istoricheskie sochineniya [Dagestan historical writings]. Moscow, 1993. (In Russ.).
5. Kayaev I.A., Kayaev A.I. Dzhuma-mechet' Gazi-Kumukha: voprosy datirovki [Juma Mosque Gazi-Kumukh: dating issues], Media Profil' [Media Profile]. Makhachkala, 2011, no. 4, pp. S. 32–38. (In Russ.).
6. Aitberov T.M., Omarova R.A. Seiidy Gornogo Dagestana [Sayyids of Gorny Dagestan]. Makhachkala, 2019. Book. I. (In Russ.).
7. Musaev S.A. Gazi-Kumukh [Gazi-Kumukh.]. Makhachkala, 2019. (In Russ.).
8. Aitberov T.M. Soglasheniya avarskikh obshchin XVIII – nachala XIX vv. [Agreements of the Avar communities of the 18th - early 19th centuries]. Pis'mennye pamyatniki Dagestana XVIII–XIX vv. [Written monuments of Dagestan in the 18th – 19th centuries]. Makhachkala, 1989. (In Russ.).
9. Abdullaev M.N. Traditsionnaya sistema prava i problemy normativnogo regulirovaniya mezhetnicheskikh otnoshenii v Dagestane [Traditional system of law and problems of normative regulation of interethnic relations in Dagestan], Istoriya gosudarstva i prava [History of state and law]. 2011, no. 21, pp. 43–46. (In Russ.).
10. Petrushevskii I.P. Islam v Irane v VI–XV vv.: lecture course [Islam in Iran in the 6th-15th centuries], ed. V.I. Belyaev. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1966. (In Russ.).

11. *Aitberov T.M. Khrestomatiya po istorii prava i gosudarstva Dagestana v XVIII–XIX vv.* [Reader on the history of law and state of Dagestan in the 18th – 19th centuries], ed. Sh.B. Magomedov. Makhachkala, 1999. Part I. (In Russ.).
12. *Minorskii V.F. Istoriya Shirvana i Derbenta v X–XI vv.* [History of Shirvan and Derbent in the X–XI centuries]. Moscow, Oriental Literature Publishing House, 1963. (In Russ.).
13. *Aitberov T.M. O drevneishikh formakh obychnogo prava v Dagestane i ob aktual'nykh problemakh ego izucheniya* [About the oldest forms of customary law in Dagestan and about the actual problems of its study], Makhachkala, 2004. (In Russ.).
14. *Aitberov T.M. Pamyatniki prava narodov Dagestana* [Monuments of the rights of the peoples of Dagestan]. Moscow, 2011, vol. 2. (In Russ.).
15. *Khalilov Kh.M. Lakskie epicheskie pesni* [Lak Epic Songs]. Ser.: *Pesni narodov Dagestana*. Makhachkala, 1969. (In Russ.).
16. *Marshaev R., Butaev B. Istoriya laktsev* [Lak epic songs] Ser. *Songs of the peoples of Dagestan*, otv. ed. E. Tyshchenko. Makhachkala, 1991. (In Russ.).
17. *Shikhsaidov A.R. Islam v srednevekovom Dagestane* [Islam in medieval Dagestan]. Makhachkala, 1969. (In Russ.).
18. *Kurbanova A.B. Razgrom Nadirshakha* [Defeat of Nadirshah]. Makhachkala, 2012 (avar. yaz.).
19. *Aitberov T.M. Pis'mo saiida Mukhammada dzhamaatam Kazikumukha, Kalakareisha i Zerekhgerana, i «osobenno» saiidu Akhmadu al-Iamani (XV v.)* [Letter from Sayyid Muhammad to the Jamaats of Kazikumukh, Kalakareish and Zerekhgeran, and "especially" to Sayyid Ahmad al-Yamani (15th century)]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [Written monuments of the East], Moscow, Nauka Publ., 1987. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаев Магомедзапир Нурмагомедович, доцент кафедры истории государства и права Дагестанского государственного университета, кандидат исторических наук, заместитель директора юридического института по учебной работе, заведующий научно-исследовательской лабораторией национальных и федеративных отношений им. проф. Р.М. Магомедова, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail: mnabdullaev@mail.ru*

Айтберов Тимур Магомедович, доцент кафедры истории Дагестана Дагестанского государственного университета, с.н.с. отдела древней и средневековой истории Дагестана Дагестанского Федерального Исследовательского центра РАН, кандидат исторических наук, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail: timirlan222@mail.ru*

Поступила в редакцию 01.11.2021 г.; одобрена после рецензирования 03.12.2021 г.; принята к публикации 05.12.2021 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abdullaev Magomedzapir Nurmagomedovich, Associate Professor of the Department of State History and Law of Dagestan State University, candidate of Law Sciences, Head of the Department of National and Federative Relations named after Prof. R.M. Magomedova, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail: mnabdullaev@mail.ru*

Aitberov Timur Magomedovich, Associate Professor of the Department of History of Dagestan, Dagestan State University, Senior Researcher of the Department of Ancient and Medieval History of Dagestan of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Historical Sciences, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail: timirlan222@mail.ru*

Received 01.11. 2021; approved after reviewing 03.12.2021; accepted for publication 05.12.2021.